

Коротаева Наталия

Тайна, раскопанная
серебряной вилкой

Рассказ

12+

Наталия Михайловна Коротаева

Тайна, раскопанная серебряной вилкой

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=67761635

SelfPub; 2022

Аннотация

Маленькой девочке Верочке совсем не хочется, чтобы её на лето отдавали прабабушке. Но мама настойчиво приводит ее в очередной раз, где Веру ждут ее детские страшилки: рычавший медведь по ночам, душавший сервант с лекарствами, крысы, игральные карты, ненавистная соседка Анка, глухонемая Ира и ещё много того, что отложится в памяти у девочки на долгие годы.

Но это лето у бабушки последнее. Какую тайну предстоит узнать Вере? Посильна ли она для девочки столь юного возраста и, что скажет о ней уже взрослая Вера? Узнаете в рассказе "Тайна, раскопанная серебряной вилкой".

Рассказ "Тайна. раскопанная серебряной вилкой" интересен как детям, так и взрослым.

Наталья Коротаева

Тайна, раскопанная серебряной вилкой

– Маааааам, пожалуйста, я не хочу к ней идти – вопила девочка, оглушая встречающихся прохожих, и еле волочась.

Бедная мать из-за всех сил вела дочку за собой, крепко держа ее ладошку, чтобы та не вырвалась, стараясь не обращать внимания на ее капризы.

Маленькая Верочка изворачивалась, подгибала ножки, пыталась уцепиться свободной рукой за фонарные столбы, рекламные щиты мимо которых ее вела мама.

– Пожалуйста, мама, я тебя очень прошу ну не надо, не пойду я к ней. Не хочу! – не унималась Вера, а мама никак не обращала на нее своего внимания, и от обиды и ярости, вспыхнувшей в девочке, она начала плакать. Ее визг, хныканье, вой и скулёж перемешались с просьбами и уже ничего было не разобрать.

Женщине стало не ловко, сойдя с проспекта и свернув на тротуар, ведущий на придворовую территорию, им навстречу встречалось всё больше людей, и те взгляды, которые на них бросали прохожие ставили женщину в неудобное положение. Она и так долго это терпела, не желая поддаваться девчонке, но поведение Веры становилось все более вы-

зываютим.

– Так! Если ты сейчас же не прекратишь – начала строго говорить мама дочке, наконец – то остановившись и слегла, склонившись над девочкой, но увидев, как глаза дочки покрылись мелкой красной сеточкой, щеки горели, и она, задыхаясь, глотала текущие с носа сопли, ее сердце сжалось. Ей стало жалко малышку, и она смягчилась.

– Верушечка, почему ты не хочешь идти к бабушке ? – внимательно смотрела мама на дочь, уже сев перед девочкой на корточки, зная, что она ответит, ведь такие истерики были каждый раз, когда мама девочки рассчитывая на помощь своей бабушки просила посидеть с правнучкой.

– Мама, – глаза девочки расширились – ты понимаешь, я не могу спать там. Ночью, когда бабушка засыпает я не сплю, потому что к нам домой приходит медведь. – с ужасом в глазах говорила дочь – Самый настоящий и грозный, и он постоянно рычит – добавила девочка, подняв руки вперед, слегка склонившись и издав характерное рычание. побоявшись, что без этого уточнения ее причина покажется маме не столь весомой.

– Понятно, – женщина ничего не услышала нового и начала рыться в сумке, желая вытереть слёзы девочки.

Прабабушка Веры – Изольда Карловна, седая женщина почтенного возраста, ветеран войны, пережившая блокаду Ленинграда, в свои восемьдесят два года никогда не отказывающая понянчить правнуков, приученная к труду и не лю-

бящая сидеть без дела. Медвежий рёв и хрип не дающий по ночам спать Вере был не что иное как храп бабушки Изольды, о чем родители Веры не догадывались, а девочка ещё не знала в свои семь, что такое храп и по другому объяснить это никак не могла, и родители сваливали всё на ее детскую фантазию.

Бабушка очень бережно относилась к чёрному хлебу, книгам и звуку часов, отбивающих секунды. Она говорила, что все это спасло ей жизнь, когда ей было десять. Бесценный сто двадцати пяти граммовый кусок чёрного хлеба давал немного сил, книги, брошенные в печки-буржуйки, давали тепло, а звук стрелок часов напоминали удары метронома, доносящиеся из громкоговорителей на улицах.

– Слышу, значит живу – периодически повторяла бабушка, прислушиваясь в полной тишине уснувшего дома к часам, когда укладывала девочку спать.

Бабушка много рассказывала о блокаде, но Вера ее мало слушала. Единственное, что она помнила из многочисленных рассказов прабабушки это рассказ о том, как в ту пору, когда на Ленинград стали сбрасывать зажигательные смеси, она с другими детьми бегали по крышам своих домов и палками, и баграми сбрасывали зажигалки. Такой героический поступок Вера слушала каждый раз и представляла как бы она сама защищала свой дом.

А еще девочка помнила рассказ бабушки о том, как у неё появилась комната в коммунальной квартире, куда Веру

приводили.

Когда блокада была прервана, из шестиэтажного дома, в котором жила прабабушка со своей мамой на пятом этаже в собственной квартире, соседи, жившие на первом этаже в коммунальной квартире из шести комнат, эвакуировались, оставив свои комнаты. Прабабушка с мамой перебрались жить в их квартиру на первый этаж в одну из комнат. Эвакуироваться сил не было совсем, прабабушка сильно ослабла и мать на руках бы ее не вывезла, и сил каждый раз забираться на пятый этаж по заледеневшей лестнице не было.

Так эта комната стала их домом. И до сих пор бабушка в ней живёт.

После войны дом разжился, люди поселились, и у бабушки в коммунальной квартире появились соседи. Много времени прошло, соседи сменялись, когда меня приводили к бабушке, то первое что я видела, подойдя к квартире это звонки, их было пять. Один в бабушкину комнату. Второй – соседа деда Коли. Одинокий мужчина, молчаливый, кто-то где-то слышал что у него есть дочь, но почему то они не общаются. Говорили, что дедушка Коля умел заговаривать недуги на сучки деревянных предметов.

Третий – соседки Ани. Молодой девицы, бездельницы, болтушки. Курящая, любила выпить, шляться, хитрая, обманщица. Врет по мелочам, от чего ей никто и не верит.

В четвёртой комнате жили мать с сыном. Сын взрослый, недавно его забрали в армию, а вскоре Изольда Карловна у

себя под дверью нашла записку и ключи от комнаты:

«Карловна, встретила офицера, уехали в Геленжик. Я вас всех бросаю, выживайте сами».

Квартира просто стояла закрытой. И пятый звонок был общий – звонил на общей кухне и разносился по всей квартире. В звонки звонить не приходилось, дверь всегда была открыта днём и закрывалась только на ночь. Попадая в квартиру, ты оказывался в длинном и достаточно широком коридоре. В коридоре было страшно, свет там никогда не включали, можно было легко столкнуться с соседями или споткнуться и упасть. В коридорных стенах располагались друг напротив друга соседские двери комнат, при входе стоял шкаф, а на пустых стенах висели стеллаже для предметов гардероба – шляп, шапок, перчаток и шарфов. За коридором слева была бабушкина комната на неё бил свет, исходящий с кухни напротив, попадая в которую проходишь общие ванную комнату, туалет слева и общую кладовую справа.

Бабушкина комната была небольшая сама по себе прямоугольной формы, с высокими потолками, но оказываясь внутри мне она казалась огромной. По правой стене комнаты стоял холодильник, шкаф и диван, на который бабушка укладывала Веру, когда та была у неё. По левой стене стояли журнальный столик с двумя креслами. В дальнем левом углу располагался небольшой комод с зеркалом, в другом углу – телевизор на тумбе, и разделяло их широкое окно.

Бабушка любила порядок, в ее комнате всегда было чи-

сто и запах всегда стоял лекарств, их было много, они хранились в комодe. Однажды Вере так стали интересны все эти пузырьки, что она села возле комода, пока бабушка готовила на кухне, и открывала каждый пузырёк, нюхая лекарства. Ей это нравилось пока в руки не попал нашатырь. Она прижала горлышко пузырька к ноздрям и вдохнула. И у неё заложило уши, из глаз брызнули слёзы, дыхание перехватило, нос как будто резко заложило, перед глазами все поплыло, Вера бросила пузырёк и побежала в ванную умываться. Долго девочку мучило, но к комоду с пузырьками она больше никогда не подходила.

Когда я приезжала к бабушке, то игрушки с собой не брала. Не разрешали. Они наводили беспорядок, бабушка этого не любила. Из забав у меня было: если играла дома, то охотилась на крыс, которые водились в коммуналке. Такие здоровые, с длинными хвостами. По вечерам мы с бабушкой играли в карты. Бабушка была необычной, она раздавала карты мне и себе по шесть и всегда выходила из комнаты на несколько минут после этого. Это толкало меня на жульничество. Я доставала из колоды козырные карты и меняла их на свои, которые скидывала в колоду.

Сейчас я думаю, что бабушка специально выходила, зная, что я так делаю, подглядывая за мной в замочную скважину. Стол в ее комнате как раз хорошо было видно в щели. Зачем она это делала? Не знаю. Была необычной, говорю же.

Если мне хотелось гулять, то бабушка отпускала меня во двор, когда видела, что там гуляет соседская девочка Ира.

Ира жила в соседнем подъезде. У неё были коротко подстрижены волосы, касающиеся еле-еле плеч, с такими рваными концами и она редко улыбалась, у неё были очень пронизательные глаза, она всегда смотрела внимательно, пристально и все потому, что она была глухонемой. Смотрела внимательно, потому что пыталась понять, что я говорю. Когда мы с ней гуляли, я говорила много, а в ответ всегда слышала только тишину. Ира была старше. Ее любил весь наш двор, бабушка всегда мне ставила ее в пример. И все, кто бы не выходили из дома, всегда давал Ире конфетки или печенье, ну и мне за компанию. Мне нравилось с ней гулять, хотя иногда и становилось очень тоскливо, Ира всегда молчала. Могла махать только руками или злилась на меня если я ее не понимала и издавала звуки похожие на мычание с характерным надрывом. По сути, нам категорически нельзя было гулять вместе, но деваться нам было некуда.

Меня снова привели на все лето к бабушке. Было ранее утро, мама быстро ушла, торопясь на работу. Бабушка меня обняла и посадила на кухню за стол, а сама готовила и разговаривала с соседкой, пришедшей к ней с третьего этажа.

– Опять всё это Анка. – говорила бабушка, стоя у своего стола на общей кухне и нарезаая морковь на соломку – Бесстыжая, с утра опять куда-то умотала, а может и с вечера не приходила. Я ее не видела – не очень громко старалась гово-

ритель бабуля.

– Да, да, всё она, не работает, шляется, деньги нужны. – внимала соседка. Ты главное убери их от сюда. – наставляла она бабушке.

– Да, сейчас то и убирать нечего, всё она перетаскала – бабушка немного отошла от стола, чтобы выдвинуть ящик. Выдвинув ящик, передо мной блеснули столовые предметы.

– Серебряные, 925 пробы, мамины еще – только осталось совсем их мало – с досадой проговорила бабушка. – И поймать Анку мы не можем, хоть весь дом и уверен, что это сделала она.

– А может это кто из твоих, кто ходит сюда побираться к тебе? – поинтересовалась соседка.

– Нет, я таких без присмотра не оставляю. – заверила ее бабушка.

Бабушка была ветераном с хорошей пенсией. Местные об этом знали, и часто одалживались у неё, от чего она вела тетрадь, которую хранила у себя в комнате. Там были имена и суммы, которые у неё брали в долг, потом имена зачёркивались, когда долг возвращался, но всегда появлялись новые.

У бабушки погрустнели глаза, я смотрела на неё и внутри меня чувствовалась тревога, беспокойство за неё, с такой грустью и печалью она говорила про свои пропавшие серебряные предметы. Слишком трепетно она относилась к вещам «того» времени. Слишком бескомпромиссно ценила честность и порядочность, чтобы не обращать на это внима-

ние.

Анна появилась на кухне. Подошла к своему столу и стала на доске резать хлеб. Я хотела было с ней поздороваться, но испугалась. Она резко разрежала батон, неприятно глядя на меня. Когда она появилась на общей кухне все замолкли, не знали, чего от неё ждать. Взгляд у нее был не добрый, с прищуром. Все отвлеклись, когда в раму открытого настежь окно постучал дядя Ваня.

– Здравствуйте. – поздоровался мужчина, лохматый, немного не опрятно одетый. – Изольда Карловна, дай на лекарства. – жалостливо обратился тот.

– Знаю, знаю я, что у тебя за лекарство – женщина переглянулась со своей приятельницей. – Дело твоё. Верушенька, принеси тетрадь – она обратилась к внучке и принялась доставать из кармана халата пакет со сложенными купюрами. Вера побежала в комнату. Выйдя из комнаты с тетрадкой в руках, и закрывая дверь комнаты, Вера из темноты коридора, ведущего к входной двери услышала шипенье – голос Анны, которая что то говорила себе под нос, направляясь в свою комнату. Самый главный страх Веры оказаться с Анной вдвоём в темной коридоре, чуть не сбылся, и девчонка трусихой рванула на кухню к бабушке.

Вечером того же дня после ужина мы были с бабушкой в комнате. Бабушка дремала в кресле, в комнате раздавались звуки работающего телевизора, я сидела на полу. В коридоре шмыгнула дверь. Ключ вставили в замочную скважину две-

ри и бородка ключа провернулась, смещая засов внутри корпуса замка. Это пришла Анна.

Я тихо встала и пошла в коридор. Жуть гуляла по моему всему телу. Идти в коридор вечером, одной. В коридоре было так темно, что на дверь ванной падала тень и на порожке лежало тёмное зарево. Я собрала всю волю в кулак, сделала глубокий вдох, грудь округлилась и мягкими шагами переступила страшный порог. Подкравшись к двери Анны я прислушалась. Тишина.

Я опустилась на свои маленькие коленки и аккуратно начала приближаться одним глазом так, чтобы подо мной не скрипнул пол. Я смотрела в замочную скважину и мне открывался будто другой мир. Напротив двери у окна стоял стол, за которым сидела Анна спиной к двери и что-то писала или читала, склонившись над столом. Сбоку стола стояла узкая кровать. На стенах комнаты висели ковры. На столе, комод и даже подоконнике были расставлены бесполезные вещицы, но от того не менее занимательные. Фарфоровые фигурки, вазы с искусственными цветами, картины, комод был уставлен косметическими склянками, пузырьками духов, за кроватью, приставленные к стене стояли рулоны ткани, скрученный ковёр, стоял рядом там же. Комната была маленькой, но девочка и то разглядела в ней три настольные лампы и два торшера. В комнате царил беспорядок. Я просидела так очень долго, разглядывая обстановку комнаты, в надежде разглядеть в этом нагромождении серебряные вил-

ки, ложки и ножи, а Анна всё это время сидела за столом. Блуждания моих глаз замедлились, когда Анна подняла голову, долго склоненную над столом и принялась старательно складывать бумагу в несколько заломов. Сложив лист в маленький премаленький квадратик, она продолжая сидеть наклонила корпус вниз и свободной рукой принялась шарить под кроватью. Из-под кровати Аня достала шкатулку, усыпанную камнями. Камни были такой огранки, что при движении шкатулки в руках Анны, ловили на себе каждый луч двух включённых ламп и рассеивали по комнате отблески, освещая ветхие вещи, заполнявшие комнату.

Вера с распахнутыми глазами и с разомкнутым ртом очарованная, словно калейдоскопом смотрела как Аня крутила шкатулку в своих руках, пока не ощутила жгучую боль.

Бабушка девочки, заметив, что той нет в комнате пошла ее искать, и выглянув из комнаты заприметила застывшую девчонку и подошла к ней, что та даже ничего не заметила.

– Вера! – изумленная женщина поволокла внучку к себе в комнату и закрыла за собой дверь. – Тебя что мать совсем ничему не учит, разве так можно делать подглядывать в дверные проёмы словно мышь сидя на полу – Какой ужас, вздор – бабушка в ужасе, будто только сейчас осознала в своей голове сцену, увиденную минуту назад. – Как это низко! – она возглашала, ходя перед девочкой по комнате. Вера виновато сидела рядом с порогом на ногах, подогнутых под себя.

– За такое ты будешь наказана, просидишь час без света в ванной.

Вера вскочила на ноги – Нееет, только не в ванной – она закричала на всю квартиру. Только не в ванную.

Через минуту бабушка уже подперла табуретом дверь со своей стороны. Веру парализовал страх. Все знали, что в ванной не редко видели крыс, из-за этого она и играла, охотясь на них, но не в ванной, а за ее пределами. Всё стихло, Вера хлюпала. Девочка стала прислушиваться к шорохам, как вдруг с ее шелковистых, но уже растрепанных волос соскользнула и упала на плитку пола ванной комнаты заколка, в тишине раздался характерный звук. Вера отвлеклась от своих слез, и спустившись вниз начала рукой в темноте искать заколку и заведя руку под ванную она издала крик. Ее укусила крыса.

Вера проснулась утром, с перебинтованной рукой, коммуналка не спала. На кухне громко взрослые что-то обсуждали.

– Она ещё вчера была в моей комнате, а сегодня ее там нет! – разъярённая Аня стояла по середине кухни, размахивая руками. Не сама же я ее спрятала! Кто из вас взял ее? – она требовательно обращалась к соседям, окружившим ее.

Бабушка заметила, как маленькая Вера стояла у косяка дверного проема.

– Верочка, во дворе Ира, поди надень сарафанчик и беги к ней, погуляйте, она сегодня уже забегала к нам, тебя смот-

рела – бабушка развернула девочку и слегка подтолкнула ее к двери, чтобы та не слышала склок.

Вера расстроенная или больше задумчивая побрела в комнату, вспоминая как вчера она разглядывала затейливую шкатулку.

Выйдя во двор, Вера увидела Иру и подошла к ней. Они поздоровались, помахав друг другу руками, немного поиграли в классики, бросая камешек. На улице поднялся ветер, небо затянулось по Вериным ручкам-веточкам пробежалась рябь, и она непринужденно помахала рукой Ире, решив пойти домой. Вернувшись домой, Вера услышала, что дома до сих пор продолжались склоки. Анна нервно ходила по кухне из стороны в сторону, когда та была заполнена людьми. На крик все соседи всего дома заходили в открытую дверь квартиры на первом этаже и скапливались на людной кухне.

– Я утверждаю, что ее украли, пока я умывалась сегодня утром, кто то пробрался в мою комнату и похитил ее. – утверждала Анна, смело потягивая сигарету, чего раньше ей бы никто не позволил, но девушка была очень заведена.

– Анна – Изольда Карловна говорила гласом всех присутствующих, имеющая самое большое уважение. – это какое-то недоразумение. Вокруг тебя – женщина провела рукой линию, проходящую мысленно сквозь окружающих их людей – почтенные, уважаемые люди просто не стали бы заниматься таким низким делом. Если ты нам не веришь, то обой-

ди квартиры, – женщина смотрела на соседей, ища одобрения. Начни с моей комнаты, нам с Верой скрывать нечего. – и приглашающем жестом женщина показала на дверь своей комнаты.

В этот момент Изольда Карловна задержалась взглядом на Вере. Вера стояла, прижавшись к косяку двери, и тоже смотрела на бабушку. Изольда Карловна смутилась, вспомнив как вчера схватила Веру у комнаты Анны и засомневалась.

На кухне начался галдёж, кто-то возмущался почему они должны пускать скандалистку к себе в дом, если они ничего не брали, другие винили Анну, что она сама спрятала шкатулку, чтобы отвезти от себя взгляд от пропавших серебряные предметы Изольды Карловны.

Тем временем, бабушка уже вела Веру в комнату, пока от них отвлеклись внимание окружающих.

– Вера, ты знаешь куда делась шкатулка Анны? – строго, но тихим голосом спросила женщина, когда они оказались в комнате за закрытой дверью.

– Бабушка, я не брала. – затараторила Вера. Я видела вчера эту шкатулку, когда смотрела, но я ее не брала, она была в руках Анны. – испугано говорила девочка непроизвольно, с волнительностью, присущей детям получить наказание за поступок, который они не совершали.

– Вера, зачем ты подглядывала в замочную скважину? – не унималась женщина.

– Я хотела найти твои приборы, и думала увижу их, если

буду следить за Аней в ее комнате. – объяснилась Вера.

Бабушка девочки смягчилась.

Соседи начали расходиться по своим квартирам и комнатам, но Анна все не унималась: Мне нужна моя шкатулка, кто взял её. Кто мог ее взять?! Я найду тебя вор и тогда тебе не поздоровиться вопила девушка, ходя по квартире и хлопая дверьми, дверцами на кухне и громыхая посудой, но к вечеру и она уже затихла.

Вечером к бабушке пришла соседка и они сели играть в бабушкиной комнате в карты. К бабушке часто приходили соседи играть в карты. Уж очень им это нравилось, все заливались смехом, разыгрывался самый настоящий азарт, бабушка лихо играла. Рука от укуса крысы ещё болела, но Вере ужас как хотелось посмотреть, чем занята Анна. И может быть увидеть спрятанную ею шкатулку. Вера прошла темный страшный коридор и спустилась на колени, перед комнатой Анны, было очень темно, света совсем ни от куда не исходило. Девочка стала искать замочную скважину на ощупь, водя по деревянной двери ручками. Нащупав дырку, Вера ничего не смогла увидеть, было слишком темно в самом проеме. Наверное, Анна уже спит и свет погашен – подумала девочка.

На следующее утро, пока бабушка кружилась по кухне Вера побежала к двери Анны, рассчитывая на то, что утром светлее и в коридоре, и в комнате и она могла бы что-то рассмотреть, но изумилась. В замочной скважине по-прежнему была темень. Девочка пригляделась и поняла, что она

была чем-то заслонена с внутренней стороны комнаты.

Девочку это подстегнуло, внутри всё засвербело, от поднявшегося внутреннего интереса по Вериным ручкам-веточкам пробежалась рябь. Она поднялась и побежала в бабушкину комнату, не обращая внимания на то, какой подняла в квартире грохот, половицы под ногами заскрипели, стекло в сервантах задрожало.

Вера открыла бабушкин шкаф и из-под стопки с постельным бельем достала долговую тетрадь, и принялась выдирать оттуда лист. В комнату взволнованно взбежала, переступая порожек бабушка.

– Вера, что случилось? – бабушка застала Веру всклокоченной.

– Ничего, бабуль-не подняла девочка даже головы, а продолжала выдергивать лист, прижимая его пальцами как можно ближе к сгибу тетради. – Я во двор с Ирой будем играть в крестики-нолики, нужна бумага.

– Ты бы хотя бы спросила, Вера – не ругаясь, но в настоящей форме сказала женщина и услышав шипение, исходящее с кухни – Мооолооооо – побежала Изольда Карловна, – убегает молоко. – доносилось от несущийся женщины на кухню.

Вера выдрала лист и скрутила его в трубочку у себя на соединенных коленях, от старания высунув немного язычок, и проскользнув из комнаты бабушки вернулась к комнате Анны, и спустилась на колени.

Еще раз посмотрев на замочную скважину Вера поняла, что скрутила трубочку недостаточно тонкую и тут же развернула лист и принялась его скручивать в более узкую спираль.

Девочка задрожала от волнения, ощущалась духота, она вся сжалась как струна и взяв в руку получившуюся трубочку начала ее просовывать в отверстие, чтобы отодвинуть заслонку.

– Попалась – перед глазом Веры появилось лицо Анны, – маленькая воришка.

Вера испугалась, ее глаза расширились, но она не растерялась, и не издавая ни звука, вытянулась и преодолев темный коридор тремя длинными шагами, как кузнечик, выскочила из квартиры в подъезд дома. Анна рванула за ней, в квартире хлопнула дверь.

Девушка схватила Веру в подъезде – Далеко не убежишь. – разозленная девушка, но с ехидной улыбкой на лице хищника, удачно поохотившегося, она держала Веру за руку и дергала из одной стороны в другую.

– Я ничего не брала – Вера пыталась вывернуться из рук Анны – Пусти! Пусти меня! – с неподдельной уверенностью твердила она – Не брала я ничего.

– Зачем тогда смотрела за мной? – немного попустив Веру, Анна все равно стояла так что Вере бежать было некуда, зажав ее в углу.

– Искала бабушкины вилки с ложками и ножами. – стояла на своём Вера. Внутри у нее все трепыхалось, но воспитан-

ная на военных рассказах бабушки о героизме, виду она не подавала.

– Найди мне того, кто взял мою шкатулку. Найдешь -молодец, а если нет, – у девушки снова появился оскал на лице, -Я всем расскажу, как поймала тебя сегодня и что это ты всё взяла. – и отпустила Веру из рук, отойдя, освободив ей дорогу. И девочка тут же пулей вылетела из подъезда.

Вера бежала задыхаясь, по ее щекам текли слезы, страх весь пронизал ее, она не замечала земли под ногами и скорость с которой она бежала казалась ей невообразимой. Девочка остановилась, когда сквозь слезную пелену заметила сидевшую во дворе Иру, та бестолку сидела во дворе на скамейке и листала книжку. Ира обратила внимание на плюхнувшуюся рядом с собой девочку, и заметив ее слезы, достала из кармана шоколадную конфетку. И протянул ей.

Вера резко перестала плакать и взяла конфету, принявшись разглядывать цветную этикетку, крутя ее в своих руках.

И неожиданно снова зарыдала – Хорошо тебе – протягивала она слова – тебя все любят, угощают, а меня все обвинят в том, чего я не делала и будут не просто не замечать, как раньше, а показывать на меня пальцем. – Вера не могла больше сдерживаться.

Ира внимательно смотрела на Веру.

Девочка приложила указательный палец правой руки ко рту и стала привлекать внимание Веры к себе.

Вера подняла свою голову и посмотрела своими красными глазами на Иру. Ира продолжала показывать жестом «тише», прижимая указательный палец к сжатым губам, как бы не давая словам выйти, как вдруг встала и пошла прочь со двора. Вера осталась на скамье, но через секунду осмотревшись по сторонам поняла, что во дворе больше никого нет, от подъезда веяло страхом, девочку передернуло и она, нагнав Иру, побрела за ней.

Ира шла не торопясь, смотря по сторонам и периодически оглядываясь на Веру показывала ей «тише».

Выйдя со своего двора, Ира прошла мимо детской площадки соседского дома, завернула за дом и пошла вдоль понатыканных один на другом сараев жильцов близлежащих коммуналок. Неких деревянных склотушек, на кое каких которых даже трава росла на крышах, а птички свели гнезда, некоторые покосившиеся и сваливающие соседние за собой, а некоторые в обиходе, ухоженные и с навесными замками.

Ира безмолвно продолжала идти вдоль непохожих друг на друга, стоявших в притык чередой сараев. Вера, уже успокоившаяся, с интересом наблюдала за ней. Немая девочка остановилась возле густого куста поросли клёна, выросшего из пня, спиленного когда-то дерева. Ира посмотрела на Веру, а Вера, поняв Ирин взгляд оглянувшись, чутко вслушалась, не следует ли кто за ними.

– Никого – не произнося не звука, а шевеля лишь губами ответила Вера Ире на ее ожидающий взгляд. Убедившись,

что поблизости никого нет Ира подошла к тонким веткам вплотную и раздвинула их. Кустарник скрывал за собой сарай с толи прогнившей на половину то ли сгоревшей ветхой дверью. Ира посмотрела на Веру, приглашая ее за собой и скользнула как тень по знакомой ей тропинке, Вера с горящим от интереса взглядом последовала за девочкой и очутилась внутри. Темнота, запах сырости, под ногами проминался мягкий перегнивший деревянный пол, с щелей между досок в крыше и двух несмежных стен просачивалось немного света. Глаза Веры начали привыкать к темноте. На старом столе, полу, стеллаже на стене стояли предметы. Она сделала шаг вперед, подойдя к столу и взяла с него бинокль, и, прерывисто дыша от волнения, прикинула к окулярам, ничего не увидев, она вернула двухглазку на место и окинула взглядом стол. На нем лежали кожаные перчатки, в хаотичном порядке монетки, шелковая, расшитая бисером лента, и тут ее взгляд задержался, и она тут же отпрянула назад в изумлении

– Шкатулка – вскрикнула девочка и принялась кружиться вокруг себя, разглядывая сарай, заставленный уймами незнакомых Вере предметов.

– Нашла! – заулыбалась Вера, посмотрев на Иру, которая стояла недалеко и смотрела на Веру испуганным взглядом – я нашла. Она ринулась к деревянному ящичку, стоявшему в углу. На нем были разложены серебряные предметы. В каждом углу ящичка были аккуратно разложены ложка, за ней лежала вилка, а за вилкой нож, повернутый к вилке зубцами.

Вера принялась сгребать своими маленькими ручками звенящие ложки, вилки и ножи в одну кучу.

Ира рванула к девочке и начала бить ее по рукам и отталкивать.

– Ира, это не твоё – стояла на своем Вера, со всей силой впившаяся ногами в пол, не давая себя оттолкнуть. Ира продолжала выдергивать у Веры из рук приборы и мычать.

– Пусти, больно – прокричала Вера, вырывая волосы, из рук Ира, схватившей ее. Ты взяла их без спроса. Моя бабушка ищет их – Вера кричала, не думая о том, что Ира ее не слышит. она продолжала кричать, правду! И тут Вера остановилась и Ира следом тоже. Девочка выпустила из рук приборы, и они плашмя рухнули под своей тяжестью на коробку, звеня. Вера повернулась к Ире и взяла ее своими руками за плечи.

– Ира, я ничего не скажу никому, я тебе обещаю – говорила маленькая Вера, специально выражено шевеля губами, чтобы Ира ее поняла, а у самой нее текли по щекам слёзы. Ира стояла и смотрела на нее распахнутыми глаза без эмоций на лице как вкопанная. Вера ждала хоть какой-то реакции. Она повторила еще раз – Ира я никому не скажу, я тебе обещаю, но мне нужно их забрать. – Ира просто смотрела. Вера опустила голову и заревела в голос – моя бабушка она их ищет, девочка от бессилия опустилась вниз на корточки и продолжила плакать. Ей было горько, тяжело, она совсем не знала, что ей делать. Как вдруг услышала где-то справа от

своей головы звуки шагов, и подняла голову.

Ира дошла до стола, взяла в руки шкатулку, усыпанную камнями, и подошла к Вере и опустилась к ней вниз, и протянула ей шкатулку. Вера вытерла слезы и взяла ее. Ира открыла шкатулку в Вериных руках. На дне лежал сложенный лист.

– Можно? – Вера посмотрела на Иру, та кивнула.

Вера достала лист и развернула его. – Моей дочери Ире от мамы.

Вера подняла голову и посмотрела на Иру. Ира прижала указательный палец ко рту.

– Я не скажу – проговорила Вера.

Вера кивнула в сторону приборов.

Выйдя из сарая, через тот же куст и держа приборы в руках, я заметила, как на улице слегка стемнело и поднялся ветер, как будто ждать было грозу. По рукам и ногам пробежали мурашки, и я поспешила домой.

Зашла в квартиру. Было очень тихо, бабушки, судя по стоявшим у входа тапкам бабушки, дома ее не было. Я осмотрелась, и заприметив стоявшие в углу старые валенки сбросила в них тяжесть с рук, с такой силой, что со старой сваленной овечьей шерсти поднялась пыль, и побежала на кухню.

Через пару дней меня вынужденно забрала мама, я сильно кашляла и меня знобило. А приборы бабушка нашла спустя время, протирая в коридоре пол.

Бабушка умерла спустя год. И лишь когда мне был уже

семнадцатый год, я увидела Иру мельком в трамвае, вспомнила бабушкин дом, поняла, что трамвай идёт маршрутом, через тот самый проспект, свернув с которого можно было бы пройти в такой знакомый двор, и отвернулась. Я вспомнила бабушку, поняла, что она была единственным хорошим в этом старом, прогнившем доме с крысами. Пожалела о том, что так не любила к ней ездить. И не приехала больше в последний год, так и не узнав, знала ли бабушка про Иру, Анну и их тайну. Мне стало неприятно, но я помнила своё обещание, данное Ире взамен на драгоценные бабушкиному сердцу предметы.